

И. Ю. Железняк

**УСТАНОВЛЕНИЕ УМЫСЛА НА НЕЗАКОННЫЙ СБЫТ
НАРКОТИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ КАК УСЛОВИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ
К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

42

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 09.06.2025 г.

Принята к публикации 14.11.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-4

Для цитирования: Железняк И. Ю. Установление умысла на незаконный сбыт наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных технологий как условие привлечения к уголовной ответственности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №4. С. 42 – 53. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-4.

Актуальность темы статьи предопределена возникающими на практике вопросами формирования умысла на незаконный сбыт запрещенных веществ, когда он реализуется в ходе проведения таких оперативно-разыскных мероприятий, как «оперативный эксперимент» и «проверочная закупка», поскольку в случаях формирования данного умысла под воздействием правоохранительных органов это с необходимостью влечет за собой вывод об отсутствии состава преступления. Рассмотрены вопросы установления формирования умысла на незаконный сбыт наркотиков с использованием IT-технологий, а также вопросы провокации и последствий ее применения. Запрет на применение провокации на совершение преступления, который содержится в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», следует рассматривать не иначе как юридическую фикцию, поскольку в уголовном праве отсутствуют меры реагирования на данное негативное явление, за исключением единственной ст. 304 УК РФ, касающейся взяток и должностного подкупа. Цель исследования состоит в выработке критериев, по которым можно судить о причинах и побудительных мотивах возникновения умысла на совершение преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков. В процессе исследования использовались судебные постановления и учитывались мнения российских ученых по данной тематике. Предложены варианты решения возникающих проблем в целях достижения публичных интересов в виде защиты прав и интересов граждан от различных провокационных действий, направленных на формирование преступного умысла.

Ключевые слова: квалификация, сбыт наркотиков, формирование умысла, юридическая фикция, IT-технологии

Введение

То, что фальсификация доказательств виновности лица в совершении преступления присутствовала и присутствует в деятельности правоохранительных органов, никогда не составляло какого-либо секрета,

но и не афишировалось в средствах массовой информации, поскольку такие сведения наносят огромный имиджевый урон всей правоохранительной системе. Известный пример фальсификации доказательств с использованием наркотических средств стал достоянием общественности в связи уголовным делом в отношении журналиста Ивана Голунова, которому оперативные сотрудники МВД подбросили наркотики в рюкзак и по месту жительства только потому, что он проводил журналистское расследование о злоупотреблениях в органах МВД России. Это дело высветило проблемы, связанные с искажением и подделкой результатов ОРД [13, с. 51].

Точное установление истинного намерения лица, совершающего или уже совершившего преступное деяние, — это фундаментальная концепция в уголовном праве, которая играет решающую роль как при квалификации содеянного, так и в судебном разбирательстве [14, с. 66], особенно по делам, связанным с незаконным сбытом психоактивных веществ. В данной статье перед нами не стоит вопрос исследования процесса определения умысла в рамках уголовного права, излишним будет и рассмотрение его значения для решения задач обеспечения законности и справедливости принимаемых судебных постановлений. Наша задача — исследование процесса формирования преступного умысла на совершение преступления, а конкретно — на незаконный сбыт наркотических средств или психотропных веществ с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (в том числе Интернета).

В научной литературе нет однозначного мнения по вопросам отнесения процесса возникновения и формирования умысла к какой-либо стадии совершения преступления. Следует обратить внимание на два наиболее распространенных суждения. Одни авторы выделяют его в качестве самостоятельной стадии совершения преступления, другие, наоборот, считают, что следует неукоснительно придерживаться законодательно установленного правила о том, что умысел не является криминально значимым [11, с. 57].

Сторонник первой точки зрения А. П. Козлов обосновывает мнение о необходимости выделения возникновения умысла в отдельную самостоятельную стадию совершения преступления тем, что в каждом умышленном преступлении присутствуют только два этапа: возникновение умысла, которое всегда предшествует преступному поведению, и само преступление, которое непосредственно создает общественную опасность защищаемым уголовным законом отношениям. Остальные стадии могут быть, а могут отсутствовать в составе совершенного умышленного преступления [7].

Иное мнение имеет большинство ученых, которые обоснованно считают, что процесс возникновения и развитие умысла происходит в глубинах умственной деятельности, и о наличии его не может подозревать никто. Даже когда созревший умысел будет выражен вовне путем опубликования противозаконной мысли, но без подкрепления какими-либо

подготовительными материальными действиями, он не может приобрести статус преступления, поскольку и в этом случае он не будет содержать основополагающего признака преступления — общественной опасности, и, соответственно, не будет ставить объекты уголовно-правовой охраны под какую-либо угрозу причинения вреда [1, с. 174].

Автор данной статьи придерживается того мнения, что процесс формирования преступного умысла не является, в соответствии с действующим уголовным законом, преступлением, не относится ни к одной из форм неоконченного преступления и не должен влечь последствий в виде уголовного преследования.

44

Доктринальная отечественная наука уголовного права давно сформулировала принцип «мысль ненаказуема», то есть сформированный умысел как не объективированный вовне психологический процесс не является предметом уголовно-правовых отношений [15, с. 364], но это вовсе не отрицает необходимости изучения стадий возникновения и формирования умысла на совершение преступления. Процесс формирования умысла проходит ряд стадий, прежде чем материализуется в конкретных действиях, связанных, например, с поиском поставщика наркотиков, потенциальных покупателей и т.д., — действиях, которые с необходимостью оставят материальный след. Именно этот этап будет предшествовать непосредственному запланированному действию.

Переход умысла из умозрительного состояния в реальность является частью преступления, что может способствовать своевременному пресечению планируемого преступления либо применению мер предупреждения. При этом не следует забывать, что само по себе обнаружение умысла не влечет за собой уголовной ответственности, поскольку не подразумевает реальных действий или создания условий для осуществления преступления [6, с. 197].

Общеизвестно, что умысел не входит в перечень подлежащих доказыванию обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ. Доказыванию подлежит лишь форма вины по уже частично или полностью материализованному преступному умыслу. В связи с этим может возникнуть вопрос: «Почему была избрана именно данная тема?» Дело в том, что по делам о незаконном сбыте психоактивных веществ обстоятельства формирования умысла имеют первостепенное значение, поскольку практически по всем таким делам фиксация и пресечение преступления происходят в ходе оперативно-разыскных мероприятий: либо «проверочная закупка», либо «оперативный эксперимент», которые не исключают участия оперативных работников и (или) их конфиденентов в подстрекательстве на совершение данного преступления, то есть в формировании преступного умысла, поэтому выяснение всех обстоятельств формирования умысла имеет значение для исключения судебной ошибки.

К тому же требование об обязательном выяснении обстоятельств формирования умысла на незаконный сбыт наркотических средств на предмет возможного участия в формировании этого умысла сотрудников, осуществляющих оперативно-разыскные мероприятия, требует п. 14 постановления Пленума ВС РФ №14 от 15.06.2006 г. (ред. 30.06.2015 г.).

Методология

Методы материалистической диалектики применены при исследовании законодательного регулирования проведения оперативно-разыскных мероприятий, связанных с незаконным сбытом наркотиков; методы анализа и синтеза — при исследовании существующих правовых позиций различных авторов научных статей, касающихся обозначенной темы. Частнонаучные методы использовались при анализе конкретных судебных актов во взаимосвязи с судебной практикой высшей судебной инстанции (включая постановления Пленума Верховного суда РФ).

45

Основные результаты и выводы исследования

Сегодня без преувеличений можно говорить о том, что учение об умысле является основой не только уголовного законодательства, но и практики правоприменения [17, с. 145]. Современное состояние развития данной тематики следует охарактеризовать как продолжающиеся дискуссии, наполненные поиском новых определений умысла и его видов. Что касается вопросов формирования прямого умысла, с которым совершается незаконный сбыт психоактивных веществ, то в этом вопросе мы придерживаемся позиции А.В. Шеслера. По его мнению, к признакам интеллектуального момента в формировании прямого умысла следует отнести предвидение субъектом возможности наступления желаемых общественно опасных последствий как результата готовящегося деяния [16, с. 136]. Тот факт, что виновный осознаёт неизбежность наступления преступных последствий, говорит о том, что в его сознании уже прогнозируется их наступление. Говоря о волевом моменте, следует заметить, что он в своей основе предполагает наличие воли как средства реализации интеллектуального момента, поскольку воля направлена на достижение предвиденного результата. Желание наступления общественно опасных последствий образует волевой признак прямого умысла. Желание тесно связано с целью: если цель отсутствует, то нет и желания [9, с. 137].

Кроме того, для наступления уголовной ответственности за незаконный сбыт запрещенных веществ с использованием IT-технологий, доказательства которого были получены в результате проведенного оперативно-разыскного мероприятия, недостаточно установить прямой умысел обвиняемого. По данной категории дел важно исключить влияние сотрудников правоохранительных органов на формирование указанного умысла непосредственно или опосредованно через добровольных помощников.

Приведем пример судебного постановления по делу, связанному с незаконным распространением наркотиков. Апелляционным приговором Калининградского областного суда был отменен обвинительный

приговор районного суда в отношении Ж. по ч. 5 ст. 33 и ч. 2 ст. 228 УК РФ за отсутствием в деянии состава преступления и вынесен оправдательный приговор. Фабула дела: к Ж., являвшемуся потребителем наркотических средств, обратился его знакомый под псевдонимом Пак, привлеченный оперативными сотрудниками к участию в ОРМ «проверочная закупка». Пак попросил Ж. приобрести для него и за его же деньги наркотическое средство. Выполняя просьбу Пака, Ж. приобрел у неустановленного следствием лица наркотическое средство и передал его Паку. Суд первой инстанции квалифицировал содеянное Ж. по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 228 УК РФ. Оправдательный приговор областного суда мотивирован тем, что Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» гарантирует освобождение от уголовной ответственности лицам, оказывающим содействие сотрудникам правоохранительных органов в выявлении участников преступлений.

Авторская позиция состоит в том, что ни приговор первой инстанции, ни апелляционный приговор не основаны на требованиях закона. Во-первых, освобождение от уголовной ответственности помогающего оперативным сотрудникам полиции на основании ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» — это юридическая фикция. Единственным нормативным документом, регулирующим привлечение к уголовной ответственности и освобождение от таковой, является Уголовный кодекс РФ, в котором указанного судом апелляционной инстанции основания освобождения от уголовной ответственности нет. Кроме того, Ж., как следует из судебных постановлений, оказывал содействие Паку все не из желания помочь правоохранительным органам, производившим ОРМ «проверочная закупка», а лишь их помощнику, то есть являлся невольным помощником помощника, но лицо с таким статусом не является субъектом упомянутого закона. При таких условиях Ж. мог быть освобожден от уголовной ответственности на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием состава преступления только ввиду наличия умысла на приобретение наркотика, сформированного под влиянием некоего Пака — добровольного помощника оперативных сотрудников, производящих оперативно-розыскные мероприятия, и по их указанию.

В процессе подготовки данной статьи был произведен анализ достаточно большого количества судебных постановлений (из кассационной практики Верховного суда РФ и апелляционной практики судов субъектов РФ), связанных с незаконным сбытом психоактивных веществ с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Практически все дела имеют единую фабулу совершения преступления, суть которой состоит в том, что закладчик приобретает посредством использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет наркотики у «неустановленного лица», которое передает ему наркотики через тайники-закладки. Приобретенные таким образом наркотики расфасовываются меньшими дозами, после чего делаются новые закладки, о месте нахождения которых закладчик сообщ-

щает тому же «неустановленному лицу», используя информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. После этого закладчик задерживается сотрудниками правоохранительных органов, производящими оперативно-разыскные мероприятия, а наркотические средства изымаются из закладок. Органами предварительного расследования содеянное квалифицируется как незаконный сбыт наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационной сети (включая сеть Интернет).

В ходе анализа приведенных судебных постановлений возникает вопрос: «Каким образом правоохранительные органы узнали о времени и месте производства закладок?» Соответствующими техническими средствами контроля информационно-телекоммуникационной сети Интернет они не обладают, судя по тому, что в деле имеется «неустановленное лицо», которое приняло заказ и оплату, организовало доставку наркотиков для «закладчиков» и обязалось проинформировать конечных потребителей. И это при том, что в распоряжении сотрудников полиции были телефоны задержанных закладчиков.

Авторская гипотеза заключается в том, что «неустановленное лицо» по всем таким делам — это, как правило, оперативные сотрудники правоохранительных органов, разместившие в ходе ОРМ (оперативный эксперимент) объявления в сети Интернет. После получения заказа и его оплаты «закладчик» приходит в указанное сотрудниками правоохранительных органов место, забирает наркотики, и с этого момента прекращается его анонимность, организуется наблюдение и задержание. При этом наркотики гарантированно не поступили в незаконный оборот, поскольку они постоянно были под наблюдением, а затем были изъяты в полном объеме из мест закладок.

Если данная гипотеза верна, то возникает вопрос: «Была ли проведена проверка материалов ОРМ, как того требует п. 14 постановления Пленума Верховного суда РФ №14 от 15.06.2006 г. (ред. 16.06.2015 г.) на предмет выяснения процесса формирования умысла задержанных закладчиков? Этот вопрос никак не отражен в судебных постановлениях, в которых утверждается, что оперативно-разыскные мероприятия начались в момент доставки расфасованного наркотика к месту закладок. По нашему мнению, осуществление исследования умысла маловероятно, а данные мероприятия были начаты с организации сайтов-приманок в ходе проведения оперативного эксперимента. Если это так, то зачем умалчивать об этом, тем более что ничего противозаконного в такого рода деятельности нет?

Органам следствия, а затем суду следовало лишь выяснить у обвиняемых, каким образом они выбрали именно данные сайты для приобретения наркотических средств с целью их последующей продажи, и проверить их показания процессуальными методами, ведь вполне возможны и иные случаи. Например, Н., никогда не занимавшегося сбытом наркотиков, друг (товарищ) попросил отнести и передать конкретному лицу пакет с наркотиком. При передаче пакета оба участника незаконного распространения запрещенных веществ были задержаны

сотрудниками правоохранительных органов. Только в суде выяснилось, что упомянутый друг (товарищ) является помощником оперативных служб, который и сформировал у Н. умысел на сбыт запрещенных веществ.

Другой пример: некий М. приговором суда первой инстанции был оправдан по п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. Как следует из приговора, М. по просьбе П. и за его же деньги приобрел у неустановленного лица наркотическое средство, передал его П., после чего был задержан сотрудниками полиции.

48

В судебном заседании М., как указано выше, был оправдан на том основании, что его умысел на сбыт наркотика был сформирован под воздействием сотрудников полиции, под контролем которых находился П.

В апелляционном определении Московского городского суда (от 10.09.2020 г. по делу № 10-14388/20) указано на то, что о виновности М. в совершении сбыта наркотиков, по версии следствия, свидетельствуют результаты оперативно-разыскного мероприятия «проверочная закупка», проведенного с участием П. в роли покупателя, с которым М. ранее употреблял гашиш.

Судом же было установлено, что П. по указанию сотрудников полиции неоднократно звонил М. и, несмотря на отказ последнего, вновь настаивал на приобретении для него наркотика, при этом обещал оплатить поездку на такси, чем в результате фактически склонил М. к совершению преступления.

Таким образом, суд правильно оценил установленные обстоятельства содеянного и пришел к законному и обоснованному выводу о том, что умысел М. на приобретение и сбыт наркотического средства П. был сформирован сотрудниками полиции. Показания сотрудников полиции о том, что еще до задержания М. они обладали оперативной информацией о его причастности к незаконному распространению наркотиков, материалами дела не подтверждены.

Можно привести множество примеров дел, в которых имеются данные, свидетельствующие о формировании умысла на приобретение и сбыт наркотиков сотрудниками оперативно-разыскных подразделений, но действия закладчика квалифицированы как совершенные в группе лиц по предварительному сговору либо в составе организованной группы. В таких случаях в состав группы включаются сам закладчик, «неустановленное лицо», которое обеспечило доставку наркотика в тайник, получившее оплату за товар и взявшее обязательство сообщить конечным покупателям местонахождения тайников-закладок. Часто данное неустановленное лицо именуется как организатор или руководитель преступной группы, созданной специально для незаконного сбыта наркотиков. Личности перечисленных персонажей, кроме закладчиков, обычно являются неустановленными.

Если в суде будет выяснено, что все описанные события произошли в ходе проведения оперативного эксперимента, работодателем был со-

трудник полиции, а «товарищ», который посоветовал связаться с данным работодателем, был его добровольным помощником, то квалификация содеянного в группе лиц представляется проблематичной.

Возможны и другие варианты, по которым видно, что формирование умысла на незаконный оборот наркотиков произошло при опосредованном влиянии сотрудников, производящих оперативно-разыскные мероприятия.

Чтобы убедиться в том, что умысел обвиняемого сформировался самостоятельно до начала оперативно-разыскных мероприятий, достаточно выяснить давность возникновения умысла. Если просматривается только что возникший умысел, то с большой долей вероятности можно утверждать, что он был сформирован при участии оперативных сотрудников правоохранительных органов.

Проведение оперативно-разыскных мероприятий при отсутствии каких-либо ранее полученных данных о причастности объекта ОРМ к незаконной наркоторговле может свидетельствовать о наличии непродуманного умысла, возникшего под воздействием провокационных действий со стороны сотрудников правоохранительных органов. Такой умысел характерен для тех случаев, когда между возникновением и реализацией умысла на совершение преступления практически нет разрыва во времени либо этот разрыв крайне незначителен.

В.И. Акимочкин и С.Ю. Кораблева пишут о том, что следует различать заранее обдуманнный умысел и непродуманный умысел [2, с. 125]. В нашем случае заранее обдуманнный умысел может характеризоваться тем, что между появлением намерения совершить преступление и его осуществлением имеется существенный разрыв во времени, в течение которого человек взвешивает все «за» и «против», обдумывает детали преступления и мысленно готовится к различным ситуациям, подыскивает в сети Интернет поставщиков наркотиков и т.д. В таком случае проведение оперативно-разыскных мероприятий после начала выполнения объективной стороны преступления будет вполне обоснованным.

Для квалификации незаконного сбыта и приобретения наркотиков не имеет значения мотивация преступления. Для нас большое значение имеет установление источника возникновения преступного мотива, то есть первопричина его формирования. Иными словами, кто (или что) спровоцировал человека на незаконный сбыт запрещенных веществ или их приобретение.

Следует сказать, что в уголовном праве нет понятия «провокация» и нет толкования данного термина. Лишь в соответствии с единственной статьей уголовного закона (ст. 304 УК РФ) провокация представлена как попытка создать видимость получения должностным лицом взятки или лицом, выполняющим управленческие функции, — коммерческого подкупа. Целью таких компрометирующих действий является либо последующий шантаж, либо создание доказательств виновности указанных лиц в совершении преступления. Естественно, перечисленные действия не являются исчерпывающими. Г.Г. Радионов, например, расши-

ряет список возможных действий за счет подбрасывания предметов и документов [12, с. 19]. Сюда же следует отнести подбрасывание наркотических средств или психотропных веществ.

Между тем эта норма имеет слишком узкий диапазон применения (она относится лишь к указанным в диспозиции должностным лицам государственных и коммерческих организаций), и ее нельзя применять по аналогии. Кроме того, приведенная официальная трактовка понятия провокации вовсе не соответствует полному пониманию данного преступления, например, оперативными сотрудниками правоохранительных органов, что практически сводит на нет возможность привлечения их к уголовной ответственности за совершение должностного преступления, как считает А. А. Бурмистрова [5, с. 49].

В. Н. Борков, в свою очередь, справедливо указывает на то, что ч. 4 ст. 303 УК РФ (фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности) применима к случаям, например, когда проводится явно необоснованный обыск, а затем тем или иным способом фальсифицируются сведения о причастности обыскиваемого к незаконному распространению наркотиков [3, с. 19]. Однако данная норма не может быть применена в случае обнаружения причастности сотрудников оперативно-разыскных подразделений к процессу формирования умысла на участие в незаконном обороте наркотиков.

Из изложенного следует вывод о том, что специальной нормы для сотрудников правоохранительных органов, виновных в формировании умысла на незаконный оборот наркотиков, в уголовном праве нет.

По мнению автора, любые провокационные действия, направленные на незаконный оборот наркотиков, в том числе связанные с формированием соответствующего преступного умысла, следует рассматривать как подстрекательство (ст. 33 УК РФ) к совершению преступления, предусмотренного Специальной частью Уголовного кодекса.

Провокатор, как и подстрекатель, — это лицо, которое непосредственно не участвует в совершении преступления, его задача сводится к тому, чтобы различными путями склонить лицо к совершению противоправного деяния [8, с. 100]. Иными словами, действия провокатора и подстрекателя имеют четкую цель — любыми способами склонить лицо к совершению определенного преступления, например к незаконному сбыту или приобретению наркотиков, а затем применить меры пресечения преступления, что позволяет удовлетворить свои личные, зачастую корыстные интересы.

Заключение

Вопрос о законности возбуждения уголовного дела возникает тогда, когда выясняется, что задержанный закладчик узнал о возможности много заработать без особых знаний и усилий от знакомого или товарища, который оказывал содействие оперативным сотрудникам, организовавшим оперативный эксперимент. В таком случае будет налицо провокация в виде формирования противоправного умысла, запрет на допущение которого содержится в ст. 5 ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности». Последствием этого будет исключение из обвинения

доказательств виновности закладчика. Например, обвиняемый даст показания о том, что знакомый рассказал ему о своих больших заработках в Интернете и предложил поработать с конкретным сайтом, но в ходе проверки данных показаний будет установлено, что указанный «знакомый» или «товарищ» участвовал в проведении оперативного эксперимента.

А. А. Бурмистрова указывает на то, что при наличии законодательного запрета на саму возможность применения провокаций сотрудники оперативно-разыскных подразделений допускают возможность их применения в своей деятельности, что при отсутствии в законе раскрытия понятия провокации порождает проблемы в правоприменительной практике [5, с. 51]. С этим утверждением трудно не согласиться, поскольку провокация имеет те же признаки, что и подстрекательство. Как пишет А. С. Некоз, границы подстрекательства определены прежде всего объективными и субъективными признаками соучастия [10, с. 56]. Перечисление признаков можно ограничить любыми действиями, повлиявшими на формирование у человека умысла на совершение преступления.

Относительно мнения А. П. Козлова о необходимости выделения в самостоятельную стадию совершения преступления процесса возникновения и формирования замысла на совершение преступления следует сказать, что данное предложение избыточно. В п. 14 постановления Пленума Верховного суда РФ речь идет не о доказывании формирования умысла на незаконные сбыт и приобретение наркотиков независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а лишь о соответствующей проверке. Иными словами, необходима проверка действий сотрудников, проводящих оперативно-разыскные мероприятия на предмет возможной провокации к незаконному обороту наркотиков в форме подстрекательства, которое имеет свойство обладать множественностью форм своего выражения: убеждение, уговор, подкуп, угроза, провокация, создание ситуационной зависимости или иные действия, способные вызвать внутреннее согласие на совершение преступления [4, с. 35–36].

Подводя итог вышесказанному относительно провокации в процессе формирования умысла, стоит отметить, что этот вопрос требует дальнейшего изучения и законодательного разрешения.

Список литературы

1. *Абдулханьянов И. А.* Ретроспективное исследование уголовно-правовой фикции в нормах Соборного уложения 1649 года // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. №2 (58) С. 172–176.
2. *Акимочкин В. И., Кораблева С. Ю.* Виды умысла и их влияние на квалификацию // Бизнес в законе. 2012. №2. С. 124–130.
3. *Борков В. Н.* Квалификация провокационно-подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов // Уголовное право. 2015. №1. С. 16–21.
4. *Будкова А. А., Устинова Е. П.* Подстрекательство как вид соучастия в совершении преступления: основные проблемы и перспективы // Сфера науки. 2025. №1. С. 31–41.

5. Бурмистрова А. А. Провокация преступления в законодательстве Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. №6. С. 48–51.
6. Глухов Д. В. Формирование и обнаружение умысла при провокации взятки // Форум молодых ученых. 2018. №9 (25). С. 196–201.
7. Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. СПб., 2002.
8. Корзун И. Г. Пособник и подстрекатель как вид соучастников преступления, предусмотренный законодателем. Часть 1 статьи 33 УК РФ // Государственная служба и кадры. 2020. №4. С. 98–101.
9. Муромцев А. М. К вопросу о сущности умышленной формы вины // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8, №3 (31). С. 137–143.
10. Некоз А. С. Подстрекательство как самостоятельное преступление // Молодой ученый. 2018. С. 55–58.
11. Паносян А. Т. Формирование и обнаружения умысла как стадии развития умышленного преступления // Вектор науки. ТГУ. Юридические науки. 2016. №2 (25). С. 56–59.
12. Радионов Г. Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
13. Радченко А. А. Соотношение фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ) и провокации (ст. 304 УК РФ) // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. №1. С. 51–56.
14. Романова Г. В., Нурисламова К. Р. Умысел и его виды // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. №10 (120). С. 65–67.
15. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957.
16. Шеслер А. В. Содержание умысла по действующему российскому уголовному законодательству // Вестник Владимирского юридического института. 2017. №3(44). С. 135–138.
17. Шогенов А. М. Умысел в уголовном праве Российской Федерации и проблемы его установления в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2019. №1. С. 143–147.

Об авторе

Илья Юрьевич Железняк – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.
E-mail: zheleznyak.iy@gmail.com

I. Yu. Zheleznyak

ESTABLISHING INTENT TO ILLEGALLY SELL DRUGS USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES AS A CONDITION FOR CRIMINAL LIABILITY

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 9 June 2025

Accepted 14 November 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-4

To cite this article: Zheleznyak I. Yu. 2025, Establishing intent to illegally sell drugs using information and telecommunication technologies as a condition for criminal liability, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 42–53. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-4.

The relevance of the topic of the article is determined by practical issues arising in the formation of intent to illegally distribute prohibited substances when such intent is realized in the course of operational-search measures such as an “operational experiment” and a “test purchase,” since, in cases where this intent is formed under the influence of law enforcement agencies, this necessarily leads to the conclusion that the elements of a crime are absent. The article examines issues related to establishing the formation of intent to illegally distribute narcotic drugs using IT technologies, as well as issues of provocation and the consequences of its application. The prohibition on the use of provocation to commit a crime contained in the Federal Law “On Operational-Search Activity” should be regarded as a legal fiction, since criminal law lacks effective response measures to this negative phenomenon, with the sole exception of Article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation, which concerns bribery and official corruption. The aim of the study is to develop criteria by which it is possible to assess the causes and motivating factors behind the emergence of intent to commit crimes related to illicit drug trafficking. In the course of the research, judicial decisions were analyzed and the views of Russian scholars on this subject were taken into account. The article proposes possible solutions to the identified problems in order to achieve public interests in the form of protecting the rights and interests of citizens from various provocative actions aimed at forming criminal intent.

Keywords: drug sales, legal fiction, IT, qualifications, formation of intent

The author

Ilya Yu. Zheleznyak, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: zheleznyak.iy@gmail.com